

ТЕНЬ, БЕГУЩАЯ ПО ОБОЧИНЕ

Поезд отходил в ноль двенадцать от ЦОО. Ночной экспресс, который должен был доставить его к девяти утра в Мюнхен и после нескольких дней отпуска вернуть в привычное русло будней, каждый раз начинающихся мерзким, ударяющим в мозг десятком иголочек писком будильника – ровно в шесть, потом чашкой наспех сваренного кофе, сонным бритьем, вечным страхом опоздать на электричку.

У него было в запасе полчаса, и он подошел к стойке бара. Чашечка кофе с рюмочкой коньяка, решил он, под занавес... И удивился сам себе: *чашечка, рюмочка?* Как мало порой требуется человеку, чтобы он начал меняться. Посибаритствовал несколько дней – *котлетки* там домашние, *ладушки... пельмешки со сметанкой... вау...* Понежили его на диване, нет на *диванчике* или даже: *на софе*, понежили, значит, как *котика* на расписной *подушечке*, и вот уже замыкал: *чашечка, рюмочка...* что дальше? а вот: *Танюсик, ку-у-ши-нь-кать...*

Он подумал о том, что правильно поступил, когда сказал Тане, чтобы она его не провожала. Она расстроилась, но, кажется, поняла. Нет, нет, она замечательный, необычный человек... но эти перронные расставания... они хороши, когда люди уверены, что встретятся вновь... Но тут же спохватился, что запретил себе думать о Тане, запретил сразу же, как только покинул ее квартиру. Им обоим нужно остыть, праздник не может... нет, иначе: праздник *не должен* длиться вечно, нужно погрузиться в привычную жизнь, и тогда все постепенно встанет на свои места... и... может, он вернется... даже наверное вернется... на *подушечку*. Он мотнул головой – резко, словно в знак протеста, и сделал судорожный глоток. «Слушай, ты, ин-телли-гент хе-ров, – медленно произнес он сам себе и тут же испуганно оглянулся, будто нечаянно выругался вслух, – во-первых, она – хороший и тонкий человек и вовсе не мешанка, тебе бы на нее молиться, но тебе же подавай натуру усложненную, ищущую... А Танька... она просто устала от одиночества и замечательная... а во-вторых, а во-вторых: я же запретил тебе о ней думать... разберись сначала с собой... Итак, что там у нас впереди? – он сделал большой глоток коньяка, – ага! Будильник в шесть утра, кофе, бритье, бег к электричке... б-р-р...»

...Пересадка на Восточном вокзале, где за полторы минуты с третьего пути нужно перебежать на четвертый, отчаянная попытка вернуться в недосмотренный сон – это пока электричка бежит до Тауфкирхен, потом новая пересадка и те последние десять минут, которые еще можно провести с закрытыми глазами, пока мягкий автобус везет таких же горемык по сонным улицам городка в сторону большой промышленной зоны... Последний поворот. Большой указатель: «Отто и сыновья». Приехали. Приветствие пожилого вахтера, всегда почти восторженное:

«Ага! Хэrr Смирнофф! Доброе утро!» – и неизменно радостное: «Отличная погода, не правда ли?», и тем же самым тоном в иных обстоятельствах: «Ужасная погода, черт ее подери! Не правда ли?» – «Да, да», – со всем соглашался он, давно уже решивший для себя, что неизменно радующийся всему на свете человек требует такого же снисхождения, как и постоянно жалующийся и вечно недовольный жизнью.

Двенадцать скоросшивателей синего цвета артикула 234556, четырнадцать бежевых, артикула 234557, сто сорок конвертов розовых с целофановым адресным окном артикула такого-то и двадцать четыре упаковки бумаги формата А4, белой, 80-граммовой артикула уже иного... Новый круг... «Пока земля еще вертится, пока еще яростен свет, господи, дай же ты каждому, чего у него нет... умному дай голову, трусливому дай коня...» В «кормушке» пусто – утром иногда мало заказов, значит – уборка, вывоз пустых картонных коробок, которые нужно перед тем распороть и распластать в лепешку... «Дай передышку щедрому хоть до исхода дня...» Тридцатиминутный обеденный перерыв, столовка – вкусно. Начинаются «горячие» часы. Четыреста тетрадей в линейку артикула... снова конверты... ручки шариковые, синие, простые – большая партия, двести штук, по десять ручек в коробочке, итого двадцать коробочек, у одной надорван бок, но ничего – сойдет... Отгружено... «Пока земля еще вертится, и это ей странно самой...» Снова бумага глянцева, формата А3, сорок листов, завернуть. Развернуть. Глянцевая, но иного артикула – 345638, а не 345639... надо быть внимательней... снова завернуть... Срочный запрос с соседнего участка – скрепкосшиватели и дыроколы, по двенадцать штук в коробке, артикула... вроде, все правильно. Отправлено... Очередь у «кормушки», компьютер дал сбой... ура! Нет, уже выплевывает, гад, очередные накладные. Завтра взять с собой новую батарейку, а то звук плывет... Пятнадцатиминутный перерыв, кофе из автомата – противный... Обложки прозрачные для книг и учебников... семь видов, и каждого по семнадцать штук... черт бы их побрал... в фабричной упаковке лежит по пятьдесят штук, теперь отсчитывай...

Он заказал еще одну рюмку, до отхода поезда оставалось минут пятнадцать. Усмехнулся, представил тягучий голос из громкоговорителя: «Поезд по маршруту Берлин – Склад “Отто и сыновья” в Тауфкирхен под Мюнхеном отправляется»... Вагон специального назначения доставит его к проходной склада, и по красной ковровой дорожке он выйдет к улыбающемуся вахтеру. «Отличная погода, не правда ли?» Маленький оркестр, туш и Мартин, рыжий с козлиной бородкой и набриолиненной челкой двадцатилетний бригадир, протягивает Смирнову цветы. Они обнимаются. «На складе нужно хорошо работать, – шепчет Мартин ему на ухо, – четко работать и не путать артикул 1734562 с артикулом 1734652, verstehen Sie?¹ А после работы можно посмотреть футбол или выпить доброго баварского пива, не так ли?».

Ему вспомнилось, как в студенческие годы к ним в институт приехал из Ленинграда артист Олег Горбачев. И хотя он исполнял многие главные роли на сцене Пушкинского театра и часто играл в кино, тем не менее, пожаловался публике, что с его внешностью «подлеца-доцента» ему не так-то просто получить роли, которые хотелось бы сыграть. К Мартину бы его в подручные... Тут, правда, одна только роль вакантна – простоватого рабочего склада, привычного к рутинному труду (и не знающего иного), молчаливого, исполнительного, но и готового позубоска-

¹ Понимаете?

лить в курилке... Ну а если он к тому же болеет за футбольный клуб «Бавария», то это уже полное попадание. Доцент здесь смотрится странно и некстати, сама интеллигентность чужда и подозрительна, особенно если «эта дама» плохо говорит по-немецки и далеко не первой свежести – так, скажем, чуточку за пятьдесят...

Он облегченно вздохнул, вспомнив, что завтра у него еще один день отпуска. Значит, все сдвигается на послезавтра – ранний подъем, дорога и бесконечное движение с тележкой между огромными стеллажами: артикул, цена, количество, в кармане нож для вспарывания пыльных картонных коробок...

Смирнов сделал последний глоток, расплатился за стойкой и направился в сторону перрона. Приветливый бармен окликнул его – «Ваши перчатки, хэrr...»

«Поезд... отправляется...» На самом деле никто ничего не объявлял. На больших вокзалах уже давно никто ничего не объявляет. Просто он вспомнил недавно перечитанный рассказ Бёлля «Поезд шел по расписанию» и героя, раздумывавшего – садиться ли ему в поезд, который повезет его умирать, или лучше сразу броситься под его колеса.

В ноль двенадцать ночной состав «Берлин-Мюнхен» плавно отошел от четвертого перрона берлинского вокзала ЦОО.

Сосед по купе распаковывал чемодан. «Брунн, – представился он. – Как вы сказали? Смирнофф? Ха! Русиш вотка? О!» И пальцем большим вверх – мол, гут! Смирнов, привыкший за четыре года жизни в Германии к этой избитой шутке, криво улыбнулся. «Водки вам предложить не могу, – продолжал тем временем Брунн, вытаскивая поочередно то тапочки, то разноцветные свертки... – а вот старого доброго французского коньячку мы обязательно выпьем». На столе вслед за пузатой бутылкой «Хеннесси» появились лимон и аппетитно смотревшаяся разнообразная снедь из ресторанного буфета. «Больше всего, хэrr Смирнофф, – с лица Брунна вдруг исчезла улыбка, – я боялся, что второе место в купе не будет продано, и я останусь без попутчика». И тут же, словно спохватившись, снова с улыбкой: «Так говорите, Смирнофф? Ха! Русиш вотка? О!» И он наполнил стаканчики.

Дома царил беспорядок, не нуждающийся в описании. Беспорядок есть беспорядок – грязная посуда, брошенные в углу носки, неубранная постель – чего его описывать. Порядок – дело более деликатное и в каждом отдельном случае нормированное; оставленная, к примеру, не на месте шляпа или неожиданно появившееся пятно на ковре всегда вступают в противоречие с *порядком* и могут стать предметом размышлений, переживаний, поисков пути, дискуссий, наконец... Но не стоит углубляться в этот вопрос дальше, все равно – у Смирнова царил беспорядок, и без всяких дискуссий и переживаний ему было понятно, что нужно просто делать уборку. Но сначала – и непременно – принять душ. И вообще очухаться, потому как выпито было в поезде с господином Брунном почти две бутылки. Как это произошло, вспоминать не то чтобы не хотелось, но просто не представлялось возможным. Он помнил начало, помнил отдельные клочки, по-видимому, из середины, в частности, как его выворачивало в туалете, и какую-то холодную трубу, наверное, там же, о которую он терся лбом, помнил и конец – когда проснулся совершенно одетый (значит, так и свалился, пьяный), проснулся уже на платформе в Мюнхене от стука в дверь. Брунн еще спал, Смирнов крикнул ему, что приехали и нужно срочно вставать, потому как состав сейчас отгонят неизвестно куда. Он лихорадочно надел куртку, схватил сумку и бросился из вагона. «Хэrr Брунн, – на ходу показал он рукой в сторону купе проводнику на платформе, – спит...» – «Хорошо, хорошо», – ответил тот и направился в вагон, и по его лицу Смирнову стало ясно, что их ночное развлече-

ние не осталось незамеченным. Дождаться Брунна не хотелось – в голове, во рту и в животе творилось такое, что полностью парализовало работу тех органов, которые у человека ответственны за чувства и сознание «учтивости». С другими органами было не лучше...

Душ принес некоторое облегчение, но было ясно, что страдать придется еще до вечера. Сначала нужно сварить кофе, решил он, потом сбежать напротив в Пэнни-маркт за едой и... потом все равно придется браться за эту чертову уборку.

«Баварский президент-министр Штойбер, – раздалось из включенного им радио, – предложил новый пакет мероприятий по экономии средств в условиях кризиса...» Эспрессо-автомат зафыркал, выдавливая из своих резервуаров в стеклянный ковшечек горячий ароматный напиток. «По сообщению ведомства труда, уровень безработицы за последний месяц оказался выше...» Он выключил кофейный автомат и потянулся к полке за чашкой. «Сегодня в ночном экспрессе Берлин-Мюнхен был убит известный берлинский адвокат Брунн. Тело его обнаружено проводником вагона. В настоящий момент на Главном вокзале Мюнхена ведутся полицейские расследования, в связи с чем частично нарушено расписание отправления поездов...» Чашка звонко стукнулась об пол и разлетелась на мелкие кусочки. «Сегодня в Мюнхене ожидается сырая...»

«Какой Брунн? Убит...», – глухо выдавил из себя Смирнов. Он машинально прибавил громкость, но сводка новостей уже закончилась. Он бросился к телевизору. Пресс-секретарь криминальной полиции, рослый красавец средних лет, которого на эту должность, судя по всему, назначили за его роскошные усы – как лоза разбегающиеся в противоположные стороны, симметрично поднимающиеся за кончиками губ сантиметра на три вверх и заканчивающиеся с каждой стороны двумя аккуратными ажурными колечками, как раз формулировал свое сообщение перед направленными на него камерами: «...Господин Брунн найден с признаками удушения. По предварительным данным, смерть наступила около четырех утра. По показаниям проводника, пытавшегося на подъезде к Мюнхену разбудить господина Брунна и следовавшего в том же купе пассажира, дверь купе была заперта изнутри. Это дает следствию основания предполагать, что убийство было совершено попутчиком господина Брунна. Ни личность подозреваемого, ни мотивы его действий полиции пока не известны. Все, что можно сказать на данный момент, что речь идет об иностранце с плохим немецким произношением, среднего роста, вышедшем из поезда в куртке синего цвета с черной спортивного вида сумкой в руках. Скорее всего, он был знакомым господина Брунна, поскольку первую половину ночи они провели в шумном застолье. В настоящий момент составляется фоторобот подозреваемого, криминалисты продолжают изучать место преступления».

На этот раз его выворачивало сильнее, чем ночью в туалете. Он рухнул на колени перед унитазом, все его внутренности скручивало жгутом, но спазмы не приносили облегчения: ничего, кроме рычания и стонов, не вырывалось из его горла. С третьей попытки организм выплюнул какую-то желтую вонючую слизь, тотчас покрылся испариной лоб, он откинулся спиной на край ванны. «Брунн убит, – стучало в висках, – задушен в закрытом купе, иностранцем... каким еще иностранцем? Иностранцем, который ехал с ним и который ушел в синей куртке и с черной сумкой в руках». Он сидел на полу ванной и сквозь открытую дверь видел и брошенную в прихожей сумку, и висящую на крючке куртку. «Все сходится... Только ведь я никого не убивал... Тогда кто же?» И тут же облегченно вздохнул: проводник! Только он мог открыть ночью купе и задушить Брунна. Но зачем? Старый он, хотя морда у него сволочная... Не мог

вовремя разбудить... «Ой! – почти завопил он, взявшись за голову, – он не мог нас вовремя разбудить, он же не мог войти – дверь была на внутренней защелке! Я же ее своими руками откинул, когда убегал... мама родная...» Он с трудом поднялся и снова перебрался к телевизору. Вместо усатого полицейского показывали рекламу зубных щеток. Он стал перебирать программы – ничего. По радио – везде музыка... Он вылил остывший кофе в раковину и стал заваривать новую порцию. «Я пьян, все еще пьян... Как это называется? Белая горячка? Бред наяву... Такого со мной еще никогда не было...»

«Баварский президент-министр Штойбер, – раздалось из радиоприемника, – предложил новый пакет мероприятий по экономии средств в условиях кризиса...» – «Ну же..., – поторапливал он диктора, – дальше что?!» – «По сообщению ведомства труда, уровень безработицы...» – «Хрен с ней, с безработицей... дальше, – почти кричал он, – про Брунна давай!» – «Сегодня в ночном экспрессе Берлин-Мюнхен был убит известный берлинский адвокат Брунн. Полицией открыто уголовное дело». – «То-то», – почти с облегчением вставил он, не уверенный, что белая горячка хуже обвинения в несовершенном убийстве. «К одиннадцати часам закончены следственные мероприятия на месте преступления. План отправления поездов с Главного вокзала к настоящему времени восстановлен. По сообщению пресс-секретаря криминальной полиции... («Это усатый с колечками», – машинально отметил про себя Смирнов.) ...главным подозреваемым является попутчик убитого, личность которого устанавливается. Через полчаса полицией будет представлен фоторобот подозреваемого. Его основные приметы: иностранец с заметным восточноевропейским акцентом, на вид около пятидесяти лет, роста чуть ниже метра семидесяти, плотного сложения, волосы каштанового оттенка, небольшие усы. Покинул поезд в куртке синего цвета и с черной спортивного типа сумкой в руках. Все, кто располагает сведениями о подозреваемом, могут обратиться в ближайшее отделение полиции или по телефону... Сегодня в Мюнхене ожидается сырая...»

«Белая горячка отменяется, – подумал Смирнов и с удивлением стал рассматривать свои руки, – но за чем я его задушил? Напилсь до невменяемости? Мы с ним поссорились? Он оскорбил меня? Посмеялся, что я, кандидат технических наук и доцент, специалист по аэродинамике, теперь работаю на складе?... Чушь! Я ничего такого не помню. Помню, что он, действительно, много расспрашивал, о себе почти ничего не говорил... А! Ему нужен был собеседник, собутыльник... Он же сказал, что боялся, что в купе окажется один. Значит, ему было плохо и он нуждался в собеседнике. Но про себя ни слова... Все время расспрашивал и наливал, снова расспрашивал и наливал... Боже! Зачем я ему рассказал про Таню и про поездку в Берлин?! Как можно такие вещи рассказывать случайному встречному? И про сына... Теперь я начинаю вспоминать... я рассказал ему все – и даже про новую аэродинамическую трубу у нас на кафедре, которую я так долго ждал, чтобы продолжить свою докторскую работу, и про козни Тощакова, и, кажется, про то, как ее, наконец, начали монтировать, когда подобные исследования были уже проведены не только на Западе, но даже и в нашем родном отечестве, проведены теми, у кого давно были эти хреновы трубы... А у нас с Леной на руках уже были эмиграционные визы... «Все вылетело в трубу», – отшучивался я. Господи, зачем я все это рассказывал? И вообще все... все, что скопилось на душе... и про склад, и про Мартина, и про то, как унижал меня, пока я не пошел работать, чиновник в социальном ведомстве... и про Лену с Маттиусом... Откуда у меня столько немецких слов-то взялось? И потом меня вырвало в туалете – от выпитого и выболтанного... И получается, что потом я закрыл дверь на защелку и задушил его... потому что он задел за живое и равнодушно подливал еще и еще... Я вернулся... он заснул, храпел, наверное, очень противно... я взял подушку и положил ее сверху... и тем самым

расквитался и с Марином, и с тем социальным чиновником, и со всеми неудачами моей личной жизни... И с этим жирным адвокатом – так ему и надо! Наверное, в самой сути эмиграции изначально лежит грех, и так или иначе человек за него расплачивается... Стоп! Что я говорю? Что значит: так ему и надо?! Ни-ко-го-я-не-ду-шил! Ни-ко-го! Но ищут-то меня...» Дрожащей рукой он поднес, наконец, ко рту чашку с кофе. «Снова усатый с колечками в телевизоре...» – он поставил чашку назад и прибавил громкость.

«...До сих пор неизвестна цель, с которой господин Брунн отправился в Мюнхен. Он не предупредил об этой поездке ни родных, ни сотрудников своего бюро. К настоящему времени мы располагаем отпечатками пальцев подозреваемого и составленным по словам очевидцев его портретом. Полиция объявляет награду в размере пяти тысяч евро за сведения, которые могут помочь в задержании подозреваемого». На экране появился рисунок – человек с усиками, большими залысинами, прямым носом... «Это не я!» – облегченно вздохнул Смирнов. «Хотя... – он приблизился почти вплотную к телевизору, – как эскиз, первый набросок художника-дилетанта к моему портрету... Господи! За меня уже и награда объявлена!»

Телефон зазвонил так неожиданно и резко, что у него перехватило дыхание и снова выступила испарина. Он осторожно глянул на дисплей, высветившийся номер телефона был ему хорошо знаком. Он поднял трубку.

– Ну что, приехал? Чего не звонишь? Давай рассказывай, как тебе Танечка... понравились друг другу?

– Серега, погоди... тут такие дела...

– Ты только с самого начала не усложняй, ты ведь с каждой женщиной начинаешь усложнять, накручивать – душа... искания... лирика... романтика... а потом все лопается по непонятным причинам... Тебе уже давно пора реалистический сюжет искать, а ты все от сюрреалистической формы балдеешь... Кстати – ты на себя в зеркало давно смотрел? Чего ты еще ищешь? Я видел ее фотографию – симпатичная, стройная, как ты почему-то любишь, и, кажется, не дура, как ты, опять же, почему-то любишь; вы же с ней переписывались и пере-званивались уже полгода... чего тебе...

– Серега, меня полиция ищет... за убийство...

– Ты че, Колька, охренел? Таньку, что ли, пришел в любовном экстазе? – И он громко расхохотался в трубку.

– Нет. Говорят, я адвоката в поезде задушил. Мы с ним пили полночи, а потом я его задушил. Пять тысяч вознаграждения объявлено.

– Так позвони в полицию, пусть они тебе и выплатят эти пять тысяч. – И он снова захохотал. – Коль, ты случайно не пьян? Или того... мозги от встречи с Танечкой расплавились? У влюбленных, говорят, бывает...

– Включи телевизор, – буркнул в ответ Николай и повесил трубку.

Он посмотрел на себя в зеркало. Ладно, пусть Серега не преувеличивает. Для своих лет он был еще вполне... Ну залысины от висков пошли вверх... так они и у молодых... Брюшко вот начало чуть выдаваться, это непорядок. Усы! Зачем мне усы? Они и старят меня... Почему-то вспомнилось некогда рассмешившее его из «Советского энциклопедического словаря»: усы – *волосы над верхней губой у мужчин, вторичный половой признак*. Почему его надо выставлять на обозрение, этот признак? Первичный же никто не выставляет... Кстати, он у меня и не такой красивый, как у этого... в телевизоре... И недолго думая, он отправился в ванную и начал сбривать усы.

Телефон снова зазвонил слишком неожиданно и визгливо. На дисплее был номер Сергея.

– Ну посмотрел я телевизор, там фоторобот показывают – какого-то ханурика с усиками как у тебя и еще у миллионов других. Ну и что?

– Сережа, в купе с Брунном был я, мы пили всю ночь и проспали приезд в Мюнхен, я выскочил спешно из поезда и попросил проводника разбудить его, но Брунн был уже мертв, задушен...

– Кем?

– Вроде как бы мной... купе было закрыто изнутри, проводник стучался к нам, пытался будить...

– А за что ты его? О, нет-нет, погоди! Чушь собачья: ты и убийство! Но тогда кто?

– Вот и я спрашиваю... кто?

И тут Сергей рассмеялся.

– А что ты так переживаешь? Дадут тебе не больше восьми лет, отсидишь максимум три (тут больше никто не сидит); тюрьмы здесь, кстати, гуманные – телик будешь смотреть, в спортивном зале на турнике оттягиваться, к Таньке в Берлин в отпуск прокатишься, а после отсидки сразу на курорт путевку получишь – как душевно травмированный пребыванием в заключении... ну и, конечно, – всякие там пособия, комнатка в пансионе, пока на работу не устроишься... Ты же в Германии, чудик... Чего ты молчишь? Ну чего ты молчишь? Ты чего – серьезно, что ли, с этим Брунном ехал? Ну погоди, но тогда... есть же простой выход – пойти в полицию и все рассказать. А там разберутся.

– Ты прав, но... а вдруг это я? Мы были пьяны, и он... он не нравился мне, все лез в мою жизнь и наливал по новой, так покровительственно – мол, пей бедный кандидат наук, складская букашка, соискатель свободной руки стареющих соотечественниц... Нет, этого не может быть! Какое там убийство? Муху еще могу хлопнуть, и то если слишком достанет... Но может, это все подстроено, и я ничего не смогу доказать? Явлюсь в полицию, и они вполне удовлетворятся сложившейся версией. И мне крышка! Нет уж, пусть лучше ищут, роются, не расслабляются – и тогда точно выйдут на следы настоящего преступника. Вот тогда я к ним и приду.

– А ты не думаешь, что тебя уже сейчас по этому самому фотороботу может кто-то признать?

– Ты не звони сюда больше, Серега. И на мобильник тоже. И главное – мы с тобой не разговаривали. Не видел и не слышал меня, понял?

– Ты что, с ума сошел? Что ты затеял?

– Лишился вторичного полового признака.

– Думаешь, кастрата помилуют? Колька, ты чего несешь? Крыша совсем поехала? Брунна какого-то на себя повесил... Во придурок... Слышь, ты где? Не молчи...

Но Николай положил трубку, потом и вовсе выдернул телефонный шнур из розетки и выключил мобильный телефон. Теперь он двигался несуетливо и уверенно: почистил зубы, переоделся, уложил в рюкзак кое-какие вещи, достал из шкафа серый плащ и кепку, присел на дорогу, потом что-то вспомнил, зашел в кухню, вылил в раковину так и не выпитый кофе и вышел из дома.

«...Господи, дай же ты каждому, чего у него нет... умному дай голову, трусливому дай коня, дай счастливому денег и не забудь про меня...» Обрывки мелодии перемежались с лихорадочно несущимися мыслями: «Значит, часа через два они могут быть уже здесь... Кто-нибудь меня узнает или уже узнал... Кто-нибудь... Да Мартин и будет первым... У него в подсобке вечно телевизор включен... Таня... я ей так и не позвонил, а обещал сразу же, как только вернусь в Мюнхен... Никитка...» При мысли о сыне у него на душе стало так тоскливо, что он остановился. Зажмурил глаза, вытер набежавшую слезу, тяжело выдохнул и, прикрывая рукой ставшую чувствительной к малейшему дуновению ветра непри- вычно голую верхнюю губу, быстрым шагом направился к метро. Никакого кон- кретного плана у него пока не было.

Они подъехали через три с половиной часа на четырех машинах, тихо, без сирен и мигалок. Четверо полицейских сразу стали огибать дом, чтобы блокировать выход из него через двор, еще четверо вошли в подъезд... Как они и предполагали, в квартире уже никого не было, собака взяла след, который, однако, потерялся у входа в метро...

Весь день она старалась быть недалеко от телефона. Звонила мама, дважды звонила Анька, которой непременно хотелось узнать, как там у них с Колей прошло и чем кончилось. Первый раз от нее удалось отделаться быстро, но вечером немного нервничавшая Таня уже и сама была не против поговорить с подругой. «Ну давай колись, – как всегда с места в карьер взяла Анька, – как смотрины прошли, поженитесь или как?» – «Или как... не приставай!» – «Поссорились, что ли?» – «Нет... но ты разве не понимаешь, что такие вещи сразу не решаются...» – «Танька, очнись! Тебе сорок два, ему за полтинник... Год как голубки переписывались и по телефону ворковали...» – «Мы не ворковали, а разговаривали, и не год, а полгода всего». – «Его баба кинула, с сыном практически разлучен, твой – где он там, в Семипалатинске спился, ты посмотри, какая ты стала худая – как вешалка, куришь без остановки; оба несчастные – что вам еще надо? Еще год будете по телефону мурлыкать? Или снова объявление в газету дашь: *не очень молодая, но все еще интересная женщина ищет доброго, порядочного, без вредных привычек...*» – «Прекрати! Я не хочу говорить на эту тему». – «Ясно, Танька. Стареющему столичному лорду, остепененному доценту, временно, правда, исполняющему обязанности рабочего на занюханном складе канцелярской дряни, не подошла золушка из Семипалатинска. А что же он у тебя целую неделю делал? Нахал!» – «Да нет, Ань, все не так... Неделя пролетела... мы не заметили...» – «О! Это уже другое дело, – тут же сменила тон Анька и захихикала, – это я вполне понять могу, как медовые денечки быстро пролетают... эх... давно это было... позавидуешь некоторым...» – «Да погоди ты... без пошлостей... погоди, я закурю, – и после второй глубокой затяжки продолжила, – он много страдал в жизни...» – «А кого тут волнуют галоши Франца-Иосифа?» – «Чьи галоши, Аня?» – «Ладно, проехали... ну страдал в прошлом, а сегодня – настоящее... двадцать первый век... слышала?» – «И он очень привязан к сыну...» – «Слушай, а может, он бабу свою забыть не может?» – «Давай, во-первых, договоримся, что не будем называть ее бабой. А во-вторых, да... и это тоже, он этого не скрывает. Он говорит, что если человек любил глубоко, по-настоящему и был какое-то время счастлив, то это остается навсегда, независимо от того, как развиваются дальше события. А если при этом зарождается семья, то любовь – остывающая она или раненная предательством – все равно живет, только в иной форме... Нет, погоди, он это тоньше формулировал. Одним словом: разрушается то, что есть влюбленность, и остается навсегда то, что уже влюбленностью порождено – родственность, близость, и особенно та, что спаяна рождением ребенка... Да, его жена ушла к другому, и этот другой, немец, кстати говоря, так вот... этот другой занимается воспитанием его сына, и все это ранит его сердце. Но он говорит, что после смерти родителей из родных людей у него только сын, сестра и бывшая жена. И заметь, никогда не говорит о ней плохо...» – «Слушай, Танька, а ты книжку “Идиот” читала?» – «Знаешь Ань, я уже и сама пожалела, что рассказала тебе это. Ладно, мы долго занимаем телефон, а он обещал позвонить». И она, не прощаясь, положила трубку. Будильник показывал четверть десятого вечера. В половине второго она с трудом заснула. Нет, она уверяла себя, что старалась не плакать, это глаза сами почему-то становились влажными.

Телефон разбудил ее в семь утра. «Коля!» – радостно выдохнула она в трубку. «Фрау Овсева? – голос в трубке был женским, незнакомым, высоким, и не

предвещал ничего хорошего. Говорили по-немецки. – Это говорит фрау Поль, 43-я инспекция при полицейском президиуме Мюнхена...»

«Неистов и упрям, гори, огонь, гори... на смену декаблям приходят январь... Нам все дано сполна – и радости, и смех... Одна на всех луна, весна одна на всех... Неистов и упрям...» Он проснулся. «Шурик, ты тоже Окуджаву постоянно слушаешь?» – «Не то чтобы постоянно, но слушаю. Душу очищает... Особенно с бодуна... – Шурик улыбнулся. – Кофе готов, вставай».

«...Теперь по делу об убийстве адвоката Брунна, – фрау Поль, средней упитанности дама лет сорока, поправила очки, открыла синюю папку и разложила перед собой бумаги. – Присутствующим известно, что все подозрения падают на попутчика убитого, личность которого была установлена еще вчера к трем часам пополудни. Это Николай Смирнов, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения, уроженец Москвы, гражданин России, проживающий в Германии со статусом контингентного беженца. Разведен, имеет сына восьми лет. Место проживания: Мюнхен, Мильбертсхофен, Леоштрассе, 52. В настоящее время работает на генеральном складе фирмы «Отто и сыновья». Федеральная судебная палата, Бонн... – она взяла в руки зеленый бланк, – регистрационных записей о судимостях или правонарушениях не имеется. По месту работы характеризуется как исполнительный и надежный сотрудник; пока мы располагаем только устной характеристикой, данной бригадиром подозреваемого хэрром Мартином Шварцем; шеф там болен. В Берлине Смирнов находился в период отпуска, по личным делам, останавливался у фрау Татьяны Овсеевой, тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, уроженки Семи... палати... новска... поздней переселенки, в настоящее время гражданки Германии, – она отложила бумаги в сторону и сняла очки. – Я разговаривала с ней сегодня по телефону. Они познакомились через службу знакомств полгода назад, потом решились на личную встречу, он пробыл у нее неделю и вернулся в Мюнхен. Ни о каком адвокате Брунне ни разу не упоминал. Ничего такого, что могло бы предвещать последовавшие события в поезде, она не заметила. Он был взволнован их встречей, и даже отягощен, судя по всему, какими-то раздумьями, но фрау Овсеева связывает это с его сугубо личными и вполне понятными в подобной ситуации переживаниями. Разумеется, это был нелегкий разговор, мой звонок глубоко шокировал эту даму, но, тем не менее, мы договорились, что сегодня наши берлинские коллеги посетят ее и возьмут официальные показания».

«И теперь, пожалуй, главное, – она снова вытащила из папки несколько листов, – в результате вскрытия судебно-медицинской экспертизой установлено наличие яда в организме убитого. – Она сделала паузу и обвела глазами присутствующих. – Копии этих документов получит каждый, потому отмечу только, что данный яд – точный его химический состав и описание обещаны экспертами к трем часам – поражает органы верхних дыхательных путей, что создает ту внешнюю картину, которая и позволила нам думать о насильственном удусье. Экспертиза спальных подушек, одна из которых, как мы полагали, послужила орудием убийства, также ничего не дала в подтверждение этой версии. Никаких повышенных выделений слизи оболочки рта...»

Она посмотрела на часы. «Яд попал в организм за четыре минуты до смерти, а это значит в 3:56 утра. Попал с едой или напитком. Судя по экспертным заключениям, погибший принял большую дозу алкоголя. У меня все. Хэрр Фальц, вы, как мне кажется, хотите что-то сказать...»

Долговязый, светлобровый Фальц, косившийся все это время, как ему представлялось – незаметно, на новенькую коллегу – смуглолицую практикантку Шерр,

поднялся с места с готовностью человека, давно ждавшего этой минуты: «Да, да, фрау Поль... Я, как и все мы, в некоторой растерянности... мы объявили хэрра Смирнова подозреваемым в злодейском убийстве, поддались эмоциям – закрытая дверь купе, подозреваемый быстро покинул поезд и перрон, потом бежал из квартиры... мы объявили за него вознаграждение! А теперь нам нужно разобраться, с чьей помощью яд попал в организм адвоката Брунна. Дальнейшее расследование должно быть, как полагаю, разделено на две генеральных версии: убийство и самоубийство».

«Именно это я и ожидала услышать от вас, хэрр Фальц. То, что подозреваемый пустился в бега, говорит на первый взгляд в пользу версии убийства. Однако... – ее взгляд остановился на молоденькой практикантке, – однако... даже фрау Шерр тут ясно, что должны быть тщательно проработаны все возможные версии, и слава богу, что у нас их не так много. В три часа мы заслушаем сообщение лейтенанта Ферна, работающего со вчерашнего дня в Берлине в бюро Брунна. Если он не успеет закончить дела и вернуться, даст подробное сообщение по телефону. Это всё».

«Хэрр Фальц, – окликнула она вдогонку, когда сотрудники покидали ее кабинет, – убийство или самоубийство, а ваша задача – искать исчезнувшего Смирнова. Фрау Шерр, вы уж поддержите коллегу». И она снова уткнулась в бумаги.

Николай сидел в поезде. «Надо унять дрожь – в конце концов! В кепке и без усов я похож на миллионы других, которых можно заподозрить в сходстве с разыскиваемым. Не будут же каждого хватать за грудки...»

Два часа назад он покинул Регенсбург, оставив тактичного Шурика в полном недоумении – «Зачем приезжал Колька? Нагрязнул вечером без предупреждения, извинился: только переночевать... Разбитый какой-то, потерянный... Говорит, что просто устал и захотел развеяться, куда-то съездить, посидеть вечером со старым приятелем – год не виделись или больше?... Посидеть... Выпил рюмку и руки затряслись, почти ничего не ел и молчал... Спросил его о самочувствии – он на сердце пожаловался: давит там что-то... Посидели, одним словом... Старая рана раскрылась? Развод-то свой он очень тяжело пережил... Или какая новая драма?... Денег попросил в долг; сказал, что потерял банковскую карточку. Зачем ему пятьсот евро? Не за ними же он из Мюнхена приезжал...»

Николай сидел в плаще, не снимая кепки. «Я похож на миллионы других, – повторял он про себя, – я похож на миллионы других... и на Шурика, и на Серегу, и вон на того угрюмого немецкого биндюжника, что сидит у окна... Но ни Серега, ни Шурик, ни даже этот угрюмый никого явно не душили – ночью, в закрытом изнутри купе... почему же я? Я похож на миллионы других... в кепке и без усов...» И зачем-то для убедительности добавил: «И кстати – я работаю...» Но тут же спохватился: «Или уже нет? Я же не вышел сегодня на работу...» И он подумал, что много бы дал, чтобы оказаться сейчас на складе, идти с тележкой между стеллажами по привычному маршруту, вместо того, чтобы бежать непонятно куда и зачем.

Неожиданный поворот мысли несколько отвлек его; ему вспомнился склад – длинные, метров по триста, проходы между высокими стеллажами, на которых лежат сотни видов канцелярской продукции, компьютер-«кормушка», распечатывающий поступающие заказы, большой участок упаковки, суетливая гавань – так называл он то место, где разгружались-нагружались автомобили... Он представил вдруг лицо толстой и всегда приветливой автокарщицы и единственного его тамошнего приятеля Гарди, молодого курда из Ирака. Даже рыжий Мартин

показался ему сейчас не таким уж противным. «Привычка свыше нам дана, замена счастью она...» – кстати-некстати пришло на ум из Пушкина. И он уже в тысячный раз принялся размышлять на большую тему: «Нечего нос воротить, склад так склад... Лучше просыпаться и скулить, что пора идти на эту работу, чем лежать без сна и думать, что же я буду делать, когда наступит утро...» Попасть на склад было тоже не совсем просто. Хотя, когда его туда направили, он по наивности спросил: «Как на склад? А кем? Инженером по технике безопасности?» – Ему иронично улыбнулись в ответ: «У вас есть соответствующий немецкий диплом или большой стаж работы в Германии?» – «Нет, но я бы мог поучиться на каких-нибудь курсах... как другие...» В ответ перестали улыбаться: «Другие? Может быть, они помоложе или уже работали в Германии и платили, в отличие от вас, налоги?..»

«Опустите, пожалуйста, синие шторы... медсестра, всяких снадобий мне не готовь... вот стоят у постели моей кредиторы – молчаливые Вера, Надежда, Любовь...»

«Зонненберг, подъезжаем», – объявил, проходя между рядами кресел, кондуктор. Николай, только что прикрывший глаза, вздрогнул. «Надо отвлекаться, – уговаривал он себя, – перестать всего бояться, перестать вздрагивать и постоянно думать об *этом*».

«Виноградную косточку в теплую землю зарюю, и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву, и друзей созову, на любовь свое сердце настрою... А иначе – зачем на земле этой вечной живу...»

«Никитка!» – вдруг сжалось все внутри. Поезд остановился. Николай опрометью бросился к выходу. Сейчас в квартире никого, быстро сообразил он, Лена на работе, Маттиус ее тоже, Никитка придет из школы через полчаса. Знает ли он про его бегство? О том, что его ищет полиция? Наверное, нет. Лена бы этого не допустила...

Через полчаса он снова ехал в поезде, уже в другом. Ему стало легче, теперь он меньше оглядывался по сторонам и реже вздрагивал от неожиданных звуков. Он смотрел в окно и представлял, что именно сейчас сын приходит домой, вот он открывает дверь... бросает на пол рюкзак... ничего с этим не поделаешь – никогда его не вешает, а бросает на пол, стягивает куртку, теперь проходит по коридору, телефон впереди слева... мигающее зеленое пятнышко – его видно издали, нажимает кнопку... папин голос... папа любит его, задерживается в отпуске, но скоро приедет, и они снова пойдут в Макдоналдс и потом в зоопарк... «Й-а-а!» – вскрикивает Никитка. – И мороженое!» Он прокручивает эту картину перед глазами снова и снова, пока не засыпает глубоко и безмятежно, как не спал уже давно.

Он не боялся проспать станцию, сбиться с пути. Со школьной скамьи он помнил, что все поезда идут по одному и тому же маршруту: из пункта А в пункт Б. Пунктом А была для него Москва, откуда его поезд отошел четыре года назад. И уже тогда пункт Б перестал быть различной конечной точкой, заветной целью. Он стал подобием мерцающего фантома, указывающего направление, в котором суждено двигаться беглецу. Николай не раз успокаивал себя тем, что, вот, пройдет несколько лет, он подтянет немецкий, пообвыкнется, получит гражданство... Но тут же ухмылялся сам себе – с гражданством или без, а беженцем он останется все равно, не по паспорту, так по существу. И наверное, отчасти и поэтому в его снах поезд, вышедший из пункта А, всегда делал прихотливую затяжную петлю и неизменно возвращался к своей исходной точке: ему снилась их маленькая московская квартира в Соколь-

никах, Никитка на руках у Лены и непременно – Пират, своенравный рыжий котище, любимец...

«Wer sind Sie?»² – спросил вдруг Пират по-немецки и стал очень похож на складского бригадира Мартина. «Ich?.. – растерянно промямлил Николай. – Ich bin Ausländer... komme aus Moskau, ich bin aber Wissenschaftler... Aerodynamik... verstehen Sie?»³ И чтобы было более понятно, он завел руки назад и немного помахал ими – как крыльями. Рыжий Пират поморщился и заговорил по-русски: «И куда же ты летишь?» – «Я уже давно не лечу, но я бегу... аэромеханик не может не двигаться, безветрие для него смерть...» – «На складе не надо бегать, – назидательно заметил Мартин, – на складе нужно хорошо работать, четко работать и не путать артикул 1734562 с артикулом 1734652, verstehen Sie? А после работы можно посмотреть футбол или выпить доброго баварского пива, не так ли?». – «А куда подевался твой вторичный половой признак?» – покручивая свой роскошный ус, глумливо спросил Пират и теперь стал похож на пресс-секретаря мюнхенской криминальной полиции.

Человек в форме трясет его за плечо. Николай видит его расплывчато, сонными, слипающимися глазами пытается рассмотреть его – снизу вверх: фуражка, сбоку на ремнях сумка-планшет, жетон на лацкане... Человек что-то говорит ему. «Я сдаюсь... только я его не душил... – выдавливает он по-русски, – а половой признак... я его вторично отращу... честное слово...» – «Шпрехен зи кайн дойтч?»⁴ – хмурится человек в форме. «Найн, то есть да» – хрипло бормочет Николай. Ему никак не выйти из сонного оцепенения, и все же он начинает понимать, что перед ним не полицейский, а кондуктор поезда. «Ну что ж, пусть зовет полицейского, раз он меня узнал...» Но кондуктор вдруг начинает улыбаться: «Вам надо выйти из поезда, это конечная остановка». Он заметил, что пассажир просыпается, наконец, окончательно.

Николай даже не глянул на название станции – не все ли равно? Очередной, промежуточный пункт Б. Просто пошел по кривой улочке – вон от вокзала. Куда? Это тоже было ему абсолютно безразлично. Надо просто идти, без цели. И тут он почувствовал необыкновенную легкость и ему показалось, что он почти счастлив. Секрет счастья оказался очень простым: безразличие. Главное – ничего не хотеть, не строить никаких планов, отречься от всего – любой борьбы, каких бы то ни было устремлений, честолюбия, не думать о завтрашнем дне... разорвать пути даже малейшей ответственности... Идти, куда ведет дорога... Радоваться случайному цветку, потемневшему камню, одинокому дереву, палящему солнцу, нежданной грозе, пролетевшей птице, доброму взгляду, брошенному в спину проклятию... Идти... стать послушным ветру... нестись вместе с ним над полянами, подниматься по склонам холмов, раскачивать верхушки деревьев, подгонять течение рек, спускаться к городам, в которых суетливо двигаются эти люди, одержимые устремлениями, честолюбием, большими и малыми планами, поставленными целями, думами о завтрашнем дне... пожалеть их...

Пожалеть? Он остановился. Пожалеть – значит, отказаться от безразличия, значит, все сначала... И никакого секрета счастья... Он развернулся и медленно пошел в сторону вокзала...

² Кто вы?

³ Я? Я иностранец... из Москвы... но я научный работник... аэродинамика... понимаете?»

⁴ Вы не говорите по-немецки?

Утром следующего дня Фальц влетел в кабинет фрау Поль без стука. «Он в Берлине! Полчаса назад расплатился электронной картой. Но вы в жизни не догадаетесь, что он...» – «Вы о ком?» – не поднимая головы от бумаг, спросила Поль, не очень одобрявшая склонность своего подчиненного к разного рода эффектам, как то влетанию в кабинет без стука или форме доклада с применением множества восклицательных и вопросительных интонаций. «Этот русский, Смирнов!» – «А, – неопределенно начала шефиня, подняв, наконец, глаза на Фальца и маячившую за его спиной практикантку Шерр, – давно пора было вам его найти... Так о чем же я в жизни не догадаюсь?» – «Он оплатил билет на ночной экспресс Берлин (ЦОО) – Мюнхен, отходящий в ноль двенадцать, тот же самый поезд!» Фрау Поль удивленно вскинула брови, но тут же, снова уткнувшись в бумаги, спокойным голосом произнесла: «Через четверть часа прошу всех созвать ко мне». – «Видела? – подмигнул Фальц в коридоре практикантке. – Вот ведь... железная ведьма...» – «Как вы думаете, – робко глянула на него фрау Шерр, – мне разрешат вылететь с вами на задержание?» – «Дело очень ответственное, – сделал он тотчас серьезное лицо, – пока ничего не могу обещать...»

Когда через пятнадцать минут они вернулись в кабинет начальницы, там были уже почти все сотрудники, занятые в расследовании по делу Смирнова-Брунна. «Ведьма» Поль оторвала голову от вечной кипы бумаг на столе, отложила в сторону очки и, не глядя на Фальца, произнесла: «К сожалению, несмотря на все старания группы и лично коллеги Фальца, мы ни на йоту не продвинулись в поимке подозреваемого Смирнова...» – «Как? – нарушая все нормы субординации, закричал и вскочил с места Фальц. – Смирнов в Берлине и сегодня в ноль двенадцать мы возьмем его на перроне ЦОО. Я вам докладывал. Прошу, кстати, в группу задержания под мою личную ответственность включить нашу молодую колле...» Но не договорил, а просто снова сел, встретив холодный взгляд начальницы. «...В поимке подозреваемого Смирнова, – повторила фрау Поль и сделала паузу. – Коллега Фальц, контролирующий возможные сферы активизации “нашего пациента” – как то его мобильный телефон, банковские on-line трансферты и прочее, зафиксировал, что в восемь тридцать “наш подопечный” с помощью электронной карты Дрезднербанка приобрел билет на экспресс Берлин (ЦОО) – Мюнхен в одной из касс берлинского вокзала “Зоологический сад...” Фальц, наконец, облегченно вздохнул и кивнул головой. «Однако уже в восемь сорок две Смирнов сдал билет назад...» – «Вот ведьма, – изумился про себя Фальц, – она уже успела проверить...» Но вслух произнес: «Но зачем?» – «Десять минут назад, – не обращая внимания на вопрос, продолжила фрау Поль, – берлинские коллеги отправили машину к дому фрау Овсеевой и начали доскональную проверку вокзала ЦОО. Но, судя по тому, что телефон молчит (она махнула рукой в сторону аппарата), результатов они пока не имеют... Скорее всего, “наш друг” понял, что совершил промашку и сдал билет, получив за него деньги уже в наличном виде, чего коллега Фальц, разумеется, зафиксировать не мог. Сам факт приобретения билета на тот же поезд сразу потребовал у мыслящих людей какого-то объяснения, и напрашивалось логичное решение не арестовывать его на вокзале, а “вести” некоторое время дальше, почему и понадобилась срочная проверка наличия свободных мест в его купе и в соседнем. На настоящий момент мы знаем только одно: он был в Берлине... Где он

сейчас? Почти уверена, что уже далеко и от ЦОО, а может, и от столицы... Так что командировка временно отменяется, — неожиданно улыбнулась она в сторону практикантки. — В три часа лейтенант Ферн обещает нам, наконец, отчет по профессиональной деятельности Брунна. Вы уже в курсе, что дела адвоката оказались достаточно запутанны, больше мне пока сказать нечего — остается ждать доклада коллеги Ферна. Благодарю всех». Практикантка Шерр приподнялась с места: «Разрешите высказать предположение». — «Предположение? — удивленно переспросила фрау Поль. — Что ж, попробуйте...» — «Мне кажется, что наш подозреваемый... — она вдруг смутилась, подумав, что словом “наш” невольно то ли передразнила, то ли скопировала начальницу, — своим поступком отправил нам послание...» — «Беллетристики начиталась, бывает», — молча улыбнулась Поль и одобрительно кивнула покрасневшей практикантке. «Он понимал, что мы перехватим банковскую операцию, — продолжала та, — и воспользовался этим для связи с нами. Смирнов дал нам понять, что он тут ни при чем. Что искать нужно в поезде, но без него. Загадка кроется там, и может быть, ее знает кто-то третий, кто ехал тем же рейсом... или знает только Брунн... В конце концов, мы же до сих пор не нашли ничего, что могло бы связывать жертву и подозреваемого...» Фрау Шерр обвела взглядом сотрудников и менее уверенно закончила: «Иначе, зачем Смирнов отправляет нас в поезд, в котором не собирается ехать?» — «Итак, всем нам есть над чем подумать», — лаконично подвела Поль итог совещанию. Сотрудники стали поспешно покидать кабинет, поскольку хорошо знали: коли «ведьма» принялась фигурально называть разыскиваемого каким-нибудь «нашим другом», ничего хорошего не жди. Все надеялись на новости от лейтенанта Ферна, которые, может быть, прояснят ситуацию и сдвинут дело с мертвой точки.

«Ваш билет?» — вежливо склонился кондуктор. И недоверчиво повертев в руках протянутый билет, посмотрел внимательно на пассажира и мягко произнес: «Вам придется пройти со мной». — «Всё, приехали. Ну и слава богу! — решил Николай и расслабленно вытянул ноги. — Пусть теперь берут». — «Извините, вы меня не понимаете? — снова с вежливой улыбкой заговорил кондуктор, — у вас седьмое место во втором классе, а не в первом, вам нужно пройти в соседний салон...» — «Как? — промямлил Николай. — Я уже готов... зовите полицию...» — «Я, наверное, не очень хорошо понимаю ваш немецкий, — удивился кондуктор, — или вы меня неправильно поняли: я не собирался из-за этого вызывать полицию. Ваше место там, проходите, пожалуйста...»

«Идиот, мальчишка, — обрушился на себя Николай, когда перешел в салон второго класса. — В полицию он, видите ли, захотел — чужие преступления на себя брать!» И уже в который раз он стал уговаривать себя, что продержаться осталось недолго, что мюнхенские криминалисты работают хорошо и настоящий виновный будет вот-вот выявлен. Он даже собирался, если в ближайшие пару дней не будет объявлено о поимке преступника, написать в полицию письмо со своей версией-подсказкой: некто мог задушить Брунна, когда Николай был в туалете, и скрыться, а когда Николай вернулся, то машинально закрыл дверь на защелку и упал как подкошенный на свою постель. Все просто. И непонятно, почему они до сих пор не вышли на нужный след. Почему в газетах не объявили его, Николая, невиновным? Двух дней было, наверное, достаточно, чтобы выяснить, что Брунна он никогда не знал и

мотивов к убийству не имел... ну... если не считать, что они много выпили и что он выболтал Брунну всё... и в туалете презирал себя и возненавидел Брунна... и...

Он схватился за голову – возможно ли такое? «Нет!» – протестовало все его существо. «Как сказать... – подленько ныло где-то в душе, – зачем же ты бежал? Да еще эта история с банковской картой в Берлине... странная какая-то история...»

Нет, он совсем не собирался в Берлин, просто ехал себе и ехал. Пересаживался, не задумываясь. Ехал в темноте, дремал. А на рассвете вдруг оказался в Берлине, да еще и в ЦОО. Ощущение было шоковое – вернулся к отправной точке своего кошмара... Увидел стойку бара, где перед отъездом пил кофе с коньяком, и вспомнил вдруг, как его окликнул приветливый бармен: «Ваши перчатки, хэrr...» А потом рассмеялся. Больно уж все это было похоже на незатейливую фантазию начинающего автора криминальных романов: злодейка-судьба устами случайного встречного бросает вызов, потом преступника неизбежно тянет к месту злодеяния... Тогда и решил отмочить эту штуку с банковской картой. Они теперь там, в Мюнхене, наверняка бросились чесать затылки – зачем ему понадобилось ехать в том же поезде? Вечером устроят засаду. Он почти засмеялся, представив, с какими серьезными лицами разрабатывают сейчас полицейские чины план его захвата. Наверное, даже кодовое название для этой операции придумали, что-нибудь типа «Sturm und Drang»⁵... А тот, с колечками, наверное, уже и речь подготавливает: «Благодаря высокому профессионализму корпуса криминальной полиции был арестован так называемый “мюнхенский душитель” – Николай Смирнов...»

И все же он не мог сам себе до конца объяснить, зачем понадобилась ему эта проделка. Для того ли, чтобы хоть на миг обуздать свое паническое состояние и заставить чуть медленнее колотиться сердце?... Затравленная мышка вдруг прыскает со смеху, исподтишка наблюдая за сбитой с толку преследовательницей-кошкой...

Он пробыл в Берлине не более часа. О том, чтобы встретиться с Таней, не могло быть и речи. И дело было не только в конспирации, но и в том, что теперь он совершенно не знал, что они могли бы друг другу сказать. Со времени их расставания прошла вечность – не два дня и три ночи, а вечность, вобравшая в себя столько, сколько человек пережить не в состоянии: абсолютное непонимание происходящего и от этого – панический ужас, растерянность, отчаяние, мучительные сомнения... Обреченный на бегство выброшен в иную систему психологических координат, он одержим только одним – манией бегства. На остальное у него уже не хватает сил. А Таня... она хорошая... только ему все равно ни на что, наверное, не удалось бы окончательно решить...

Его поезд никогда не вернется в пункт А – в Сокольники, где когда-то ждали его возвращения с работы Лена, маленький Никитка и рыжий Пират... Оставив позади пыльный канцелярский склад, холостяцкую квартиру в Мюнхене, заплаканную женщину в Берлине, его поезд пытается миновать станцию с названием «Тюрьма» и летит в никуда.

«Я не могу даже помолиться... – с ужасом подумал он. – Кому? Как? Какими словами? Полукровок... ни еврей, ни православный... советская выпечка – бывший член партии, кандидат наук... кандидат в беженцы...»

⁵ Буря и натиск.

Он не выбирал ни международных, ни федеральных поездов. И сейчас, глядя в окно, подумал, что тактика, которую он избрал, была правильной: двигаться перебежками, маленькими расстояниями, без заранее обдуманного плана, на электричках, на неторопливых поездах местного значения, нигде не задерживаться, не привлекать ничьего внимания, оставаться одним из многих – раствориться в пассажирской массе: дремать под мерный стук колес, жевать прихваченные на вокзале булочки, запивать баночным пивом, смотреть в окно, листать газету, легко подниматься с места и с улыбкой выходить на перрон, возвращаться – непринужденно и привычно, улыбаться всем и никого не видеть...

У него вдруг стало куда-то проваливаться сердце.

...улыбаться всем и никого не видеть... И, наконец, – ощутить себя частью этой летящей сцепной машины, раствориться в ней – приобрести ее форму, ее окраску, впитать в себя запах тормозных муфт и дорожной щебенки, нестись с ней вперед и без всяких дорогостоящих аэродинамических труб на себе познавать все правила любимой аэромеханики, стать одним из воплощений незыблемости закона движения между пунктами А и Б, заносчиво пронестись мимо шлагбаума с вереницами остановившихся машин, пробочным эхом вылетать из туннеля, брать вместе с тормозами высокую ноту, сипло приветствовать несущиеся навстречу неуклюжие товарняки, легкие, сигарообразные экспрессы, суетливые электрички, нести в своем чреве этих несмышленных, беззащитных людей, успокаивать, убаюкивать их своим движением, помогать им верить, что они движутся к заветной цели, превратиться в тень, бегущую по обочине...

2004